

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 903.5 + 393.92 (476.4) «09/12»

**РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ
СЛАВГОРОДСКОГО РАЙОНА МОГИЛЁВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ 2014 – 2017 гг.**

канд. ист. наук А.М. АВЛАСОВИЧ
(Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Материалы археологического изучения курганных некрополей являются ценным источником по реконструкции миграционных процессов, этнокультурных трансформаций, социально-политического устройства и эволюции религиозных представлений населения X – XIII вв. Обозначенный регион в древнерусское время был заселён племенами радимичей, что в достаточной мере отражают письменные свидетельства Повести временных лет и материалы предшествующих раскопок. Однако, вместе с тем, остаётся ряд важных вопросов, на которые в настоящее время нет однозначных ответов. Наиболее важным следует считать вопрос генезиса племён радимичей, времени заселения ими белорусского Посожья, а также реконструкцию процессов огосударствления и христианизации исследуемой территории. Для ответа на поставленные вопросы необходим комплексный анализ письменных источников, данных археологии, лингвистики, этнографии, применения естественно-научных методов. В рамках настоящей статьи впервые вводятся в широкий научный оборот результаты крайних археологических раскопок, а также обозначено их место в решении поставленных вопросов.

Ключевые слова: погребальная обрядность, курганный некрополь, кремация, ингумация, тризна, христианизация.

Введение. С 2014 г. археологический отряд Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова на территории Славгородского района Могилёвской области проводит изучение памятников археологии древнерусского времени. Под руководством автора настоящей статьи в 2014 г. исследована одна курганная насыпь могильника Взмутное, содержащая биритуальное погребение. В этом же году у д. Усохи обнаружены два камня с рельефными изображениями княжеских знаков Рюриковичей.

В 2017 году нами изучалась курганная группа-1 у д. Васьковичи. Исследование данного памятника обусловлено спором в научной среде о локализации летописной битвы 984 г. на реке Пищани. Полученные мною материалы позволяют пересмотреть ранее, казалось бы, однозначные выводы.

Основная часть. Курганный могильник Взмутное располагается на восточном берегу одноимённого озера в 4,5 км северо-восточнее г. Славгород, в 1,5 км севернее шоссе Славгород – Чериков, в лесу. Памятник состоит из 246 насыпей полусферической формы, округлых в плане. Первые исследования памятника относятся к концу XIX в. В 1892 г. старший чиновник особых поручений при губернаторе С.Ю. Чоловский произвёл раскопки двух насыпей с трупоположениями [19, с. LXXIII – LXXIV]. В 2014 г. одна курганная насыпь исследована мною.

Курган № 111. Курган имел полусферическую форму, округлый в плане.

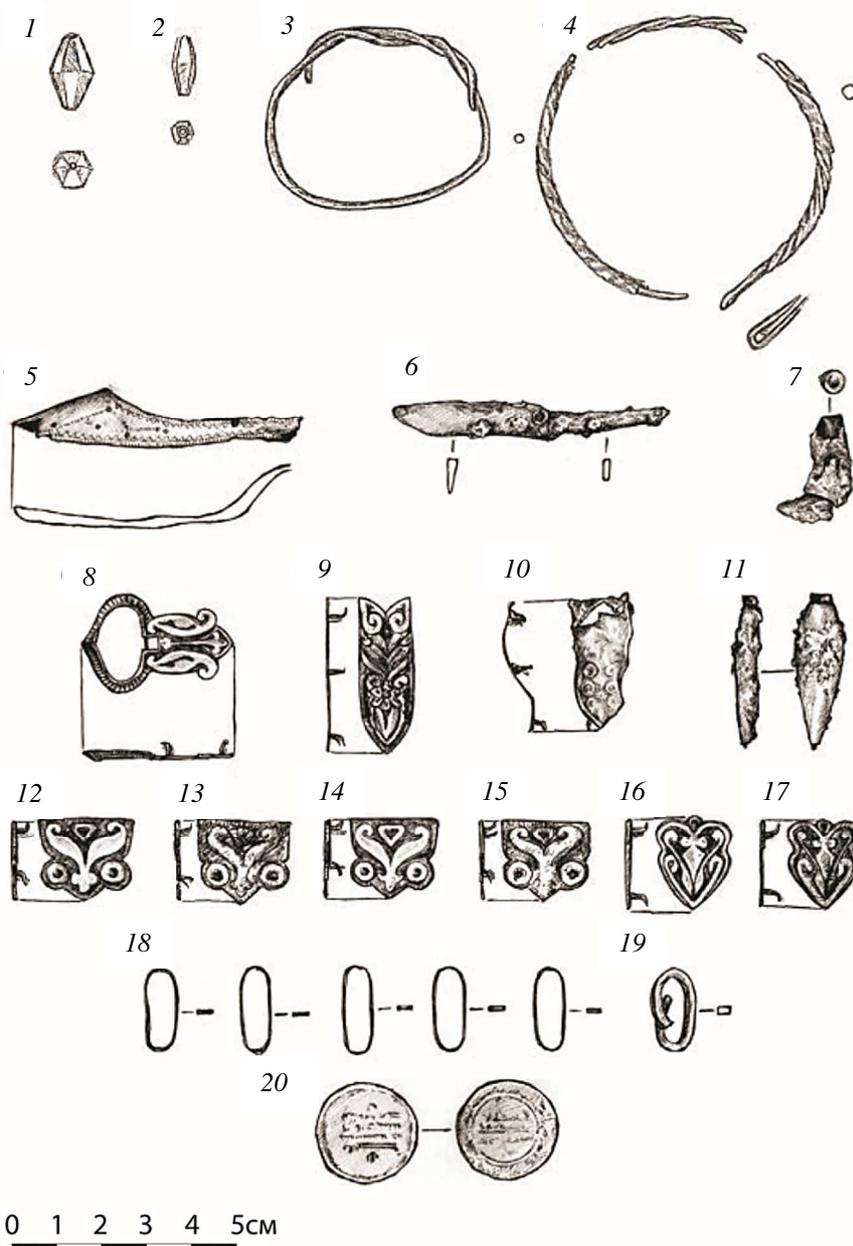
Стратиграфия. Насыпь кургана состояла из песка светло-жёлтого цвета. В центре насыпи он находился непосредственно под гумусированным слоем и продолжался до материковой поверхности. На глубине 0,6 м замечены продолговатые прослойки тёмно-жёлтого песка. Отмеченная прослойка проходит прерывистой дугой по профилю 3-В. Её мощность 3–24 см, образована вследствие погребённого слоя дёрна при досыпании насыпи.

Погребение 1. В северной половине кургана на уровне древней дневной поверхности в зольном слое находились остатки кальцинированных костей. Замечено, что фрагменты черепа и зубы располагались в западной части скопления, останки рёбер и конечностей – в центральной и восточной частях пятна. При данном погребении обнаружена сильно оплавленная бусина из синего стекла и четыре зонные бусины из глухого стекла, спёкшиеся вместе.

Погребение 2. На уровне трупосожжения, в 0,6 м южнее находилось погребение, совершённое по обряду трупоположения. Костяк сохранился фрагментарно, ориентирован головой в западном направлении. При нём в области шеи и груди обнаружены две сердоликовые бусины (рисунок 1, 1-2), 7 ед. зелёного бисера и одна стеклянная бусина с белыми полосами. У черепа найдено височное кольцо с плохо завязанными концами (рисунок 1, 3), на месте запястья правой руки обнаружен трёхпроволочный витой браслет (рисунок 1, 4).

Погребальный обряд. Стратиграфия насыпи указывает на то, что первоначально на выбранной площадке на уровне древней дневной поверхности совершён ритуал очищения огнём. При этом будущее место погребения окаймлено неглубокими канавками – «кольцами крады». После совершения трупосожжения на стороне кальцинированные кости были собраны, перенесены на подготовленную площадку и погребены под насыпью. Её первоначальная высота составила около 0,85 м. Некоторое время спустя, южнее

кремации, на уровне зольного слоя совершено подзахоронение по обряду труположения, после чего насыпь окончательно досыпали.

1-4 – курган № 111 могильник Взмутное; 5-7 – курган № 5 могильник-2 Васьковичи;

8-20 – курган № 7 могильник-2 Васьковичи

Рисунок 1. – Погребальный инвентарь

Хронология. Рамки бытования указанных предметов следует определить: бронзовый витой браслет – XI – начало XII в. (см. рисунок 1, 4) [7, с. 70–71]; браслетообразное височное кольцо – конец X – XII в. (см. рисунок 1, 3) [7, с. 70–59]; бусина синего цвета – вероятно, конец X – XI в. [17, с. 21]; бисер – конец X – XI в. [17, с. 21]; бусина с белыми полосами – конец X – XI вв. [17, с. 21]; сердоликовые бипирамидальные бусы – конец X – начало XII в. (см. рисунок 1, 1-2) [17, с. 20].

Выводы. Нахождение в одной насыпи двух женских захоронений может указывать на их родственную связь. Какого-либо подчинённого положения не прослежено. Биритуализм и элементы костюма свидетельствуют о совершении погребений на рубеже I – II тыс., в период христианизации региона.

Курганный могильник-2 Васьковичи расположен на правом берегу р. Песчанка в 0,6 км северо-восточнее восточной окраины одноимённой деревни, в лесу, с восточной стороны лесной дороги на д. Шеломы в 0,15 км южнее курганного могильника-1.

Изначально в историографии оба некрополя фигурируют как единый комплекс. Он известен с 1873 г. и насчитывал в то время более 100 насыпей [14, с. 73]. В 1925 г. археологические раскопки курганного могильника-1 произвёл И.А. Сербов. Учёный исследовал четыре насыпи. Два погребения им идентифицированы как женские, третье – мужское. В одном из женских погребений находился дирхем 911 г. [18, с. 18]. В 1961 г. раскопки первой группы продолжили Л.В. Алексеев и З.М. Сергеева. Ими изучены три насыпи. В двух случаях обнаружены погребения по обряду труположения на уровне горизонта, в третьем – трупосожжение [4, с. 55]. В 2017 г. археологической экспедицией под руководством автора исследованы четыре насыпи (№№ 5, 7, 8, 20) второй курганной группы.

Курган № 5 имел полусферическую форму. Повреждён кладоискательской ямой подквадратной формы 0,95 × 0,91 м. Погребение не пострадало.

Стратиграфия. Насыпь кургана состояла из песка серого и светло-жёлтого цвета. В верхней трети их разграничивал слой пепла дугообразной формы. Под ним из песка светло-жёлтого цвета выделялись очертания первоначальной песчаной насыпи, которая размещалась на нижнем зольнике, оставленном от ритуального кострища. Оба зольника соединялись у окраины насыпи. Нижний зольник предваряла песчаная подсыпка светло-жёлтого цвета. На уровне древнего горизонта под нижним зольным слоем в северном поле насыпи обнаружен плоский камень размерами 0,4 × 0,5 м и толщиной 0,1 м.

Погребение. В южной части насыпи на подсыпке в верхнем пепельном слое зафиксированы остатки кремации. Кальцинированные кости располагались в корневой системе выросшей на этом месте сосны, которая нарушила первоначальное положение останков. Удалось установить, что погребение располагалось компактным скоплением овальной формы, которое имело размеры 0,4 × 0,6 м. Среди кальцинированных костей находился бронзовый наконечник ножен скрамасака и фрагмент дужки ведра (рисунок 1, 5, 7).

Погребальный обряд. Первоначально на северо-западной стороне выбранной площадки был установлен плоский камень, имеющий ритуальное значение (возможно на его поверхности имелась надпись или рисунок?). Обе его стороны искусственно стёсаны. Им придана плоская поверхность, чем, таким образом, получена плита. Изделие поставлено на ребро в северо-западной окраине зольного слоя. Его лицевая и обратная стороны обращены в южном и северном направлениях. Обнаружение на этом уровне фрагментов стенок говорит о ритуальном разбитии горшка. Здесь же положен железный миниатюрный нож (рисунок 1, б). После этого возведена подсыпка из жёлтого песка на высоту до 0,38 м. На образовавшейся возвышенности разведено ритуальное кострище. По окончании выжигания площадки, на ней совершена новая, меньшая по диаметру, подсыпка мощностью до 1 м. Далее на новой площадке разведено меньшее по размеру кострище. После этого принесены и расположены в южной части останки, в слое пепла, сожжённого на стороне человека. Это действие сопровождалось ритуальным разбитием горшков. Лепные и гончарные фрагменты которых в основном сконцентрированы на данном уровне. В это же время с погребением положены ножны скрамасака и ведёрко. От последнего сохранился сильно коррозированный фрагмент дужки. На этих предметах не обнаружены следы воздействия огня. После этого насыпь была окончательно досыпана.

Хронология. Раннекруговая керамика в курганных насыпях с кремациями на территории Полоцкой земли начинает использоваться не ранее конца X в. [7, с. 85–86]. В регионе Гомельского Поднепровья она появляется в первой половине указанного столетия. Что касается скрамасака, то это холодное оружие, как правило, не выходит за пределы X в. [13, с. 72]. Таким образом, фрагмент венца лепного сосуда в сочетании со стенками круговой керамики и наконечником ножен боевого кинжала позволяют датировать возведение насыпи серединой – концом X в. Однако наиболее вероятной является верхняя, дохристианская, граница определённого нами хронологического диапазона.

Выводы. Судя по сопровождающему материалу погребение принадлежит мужчине-язычнику. Наконечник ножен скрамасака может указывать на его принадлежность к дружинному сословию.

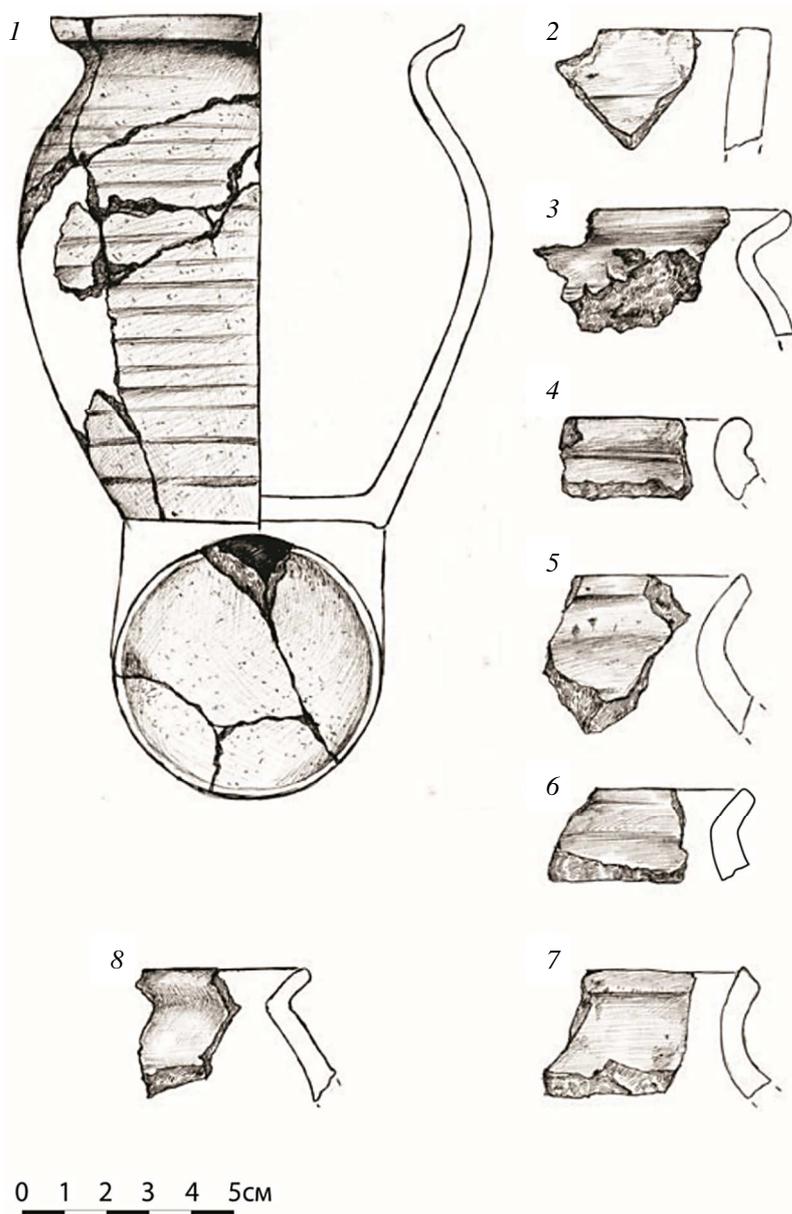
Курган № 7 имел полусферическую форму. Повреждён кладоискательской ямой подквадратной формы 1,55 × 1,42 м. Погребение не пострадало.

Стратиграфия. Насыпь в основных чертах повторяет строение кургана № 5, однако характеризуется большим включением зольных и пепельных прослоек. Верхняя треть насыпи состояла из песка серого цвета. Под ним располагался пласт песка светло-жёлтого цвета. Эти два слоя разграничивались прерывистой дугообразной прослойкой пепла, которая у краёв насыпи сообщалась с нижним зольным слоем. В восточной части насыпи в теле жёлтого песка отдельно выделялась зольно-угольная прослойка, которую подстилал слой органического характера. По своей структуре весьма схож с высушенным мхом или истлевшей тканью. Под органической прослойкой находился песок оранжевого цвета. Этот слой подстилал нижний зольник, который располагался на подсыпке светло-желтого цвета.

Погребение. В восточной части насыпи при расчистке локальной зольно-угольной прослойки зафиксированы остатки кремации и сопровождающий инвентарь. Удалось установить, что кальцинированные кости располагались компактным скоплением овальной формы по линии Север – Юг, которое имело размеры 0,98 × 0,73 м. Среди кальцинированных костей находились поясная гарнитура и арабский серебряный дирхем (рисунок 1, 8–20).

Погребальный обряд. Первоначально, на уровне древней дневной поверхности было разведено ритуальное кострище, в центре которого разбит круговой сосуд (рисунок 2, 1). После этого на данной площадке совершена небольшая подсыпка песка жёлтого цвета мощностью около 0,1 м. Далее в восточной части погребальной площадки разведено локальное мощное кострище, под воздействием которого подстилающий его песок оказался прокален и поменял свой цвет. После сгорания здесь положили материал органического происхождения и сделали небольшую песчаную подсыпку мощностью около 0,05 м. После этого сюда были принесены и рассыпаны кальцинированные кости с углями и элементы поясной гарнитуры. Последняя имеет следы воздействия высокой температуры, что наиболее заметно по одной из накладок наконечника пояса (рисунок 1, 10). При этом серебряный дирхем не оплавлен, имеет лишь потемнение от пребывания в слое угля. Вероятно, его положили сюда при рассыпании кремации. Судя по нахождению здесь нескольких фрагментов стенок толстостенного сосуда, остатки сожжения могли быть принесены в нём, после чего горшок ритуально разбили. Далее погребение присыпали слоем жёлтого песка мощностью до 0,12 м, над ним совершена тризна, а насыпь окончательно досыпана.

Анализ керамического материала показывает, что кроме толстостенного сосуда в ходе возведения насыпи были разбиты ещё семь сосудов, имеющих разную профилировку венцев (рисунок 2, 1–8).

1–8 – курган № 7 могильник-2 Васьковичи

Рисунок 2. – Погребальный инвентарь

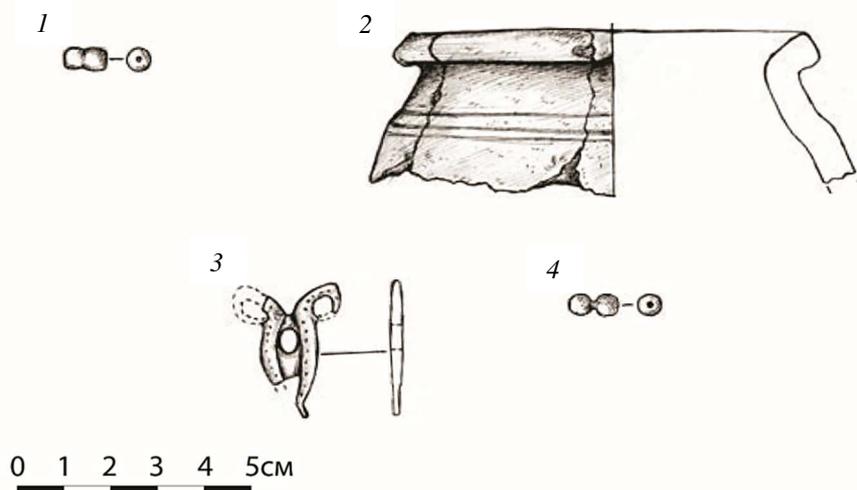
Хронология. Относительно времени сооружения данной насыпи, мы имеем редкую возможность определения узкой датировки. Обнаруженный арабский дирхем отчеканен в 944 г. и относится к династии Саманидов. Поясная гарнитура имеет ряд схожих по стилистике и формам аналогов. Наконечники пояса схожи с изделиями второй половины X – XI в. Подобные пряжки, как правило, не выходят за пределы X в., а поясные накладки этой формы с растительным орнаментом характерны для 2-й половины X в. [12, с. 44, 47, 55; рис. 19:7, 20:14, 22:7]. Обнаруженный развал кругового сосуда, согласно классификации В.М. Горюновой, относится к типу I, который распространяется с 80-х гг. X в. и бытует до середины XI в. [8, с. 135]. Профилировка сосудов с прямопоставленным горизонтально срезанным и со слегка отогнутым кососрезанным венцами характерна для второй половины X в. При этом сам обряд трупосожжения на территории изучаемого региона не выходит за пределы X в. Таким образом, описанное погребение можно уверенно датировать 80-ми годами X столетия.

Выводы. Судя по сопровождающему материалу захоронение принадлежит мужчине-язычнику. Поясная гарнитура свидетельствует о его отношении к дружинному сословию.

Курган № 8 имел полусферическую форму. Повреждён кладоискательской ямой подквадратной формы 0,79 × 0,61 м. Погребение не пострадало.

Стратиграфия. Насыпь состояла из песка светло-жёлтого цвета. На середине высоты встречена прерывистая дугообразная прослойка пепла. У краёв она сообщалась с нижним зольным слоем, который располагался на древнем дневном горизонте.

Погребение. В южной части при выходе на уровень верхнего пепельного слоя зафиксированы остатки кремации и фрагменты обгоревшего дерева. В ходе расчистки установлено, что здесь находилась обугленная деревянная конструкция. Изъятые образцы позволяют предположить, что она состояла из досок шириной не менее 5 см. По сохранившимся фрагментам удалось определить её размеры – 0,72 × 0,3 м. Основная масса кальцинированных костей находилась в южной части конструкции и частично за её пределами. Ящик располагался в южной стороне насыпи и был поставлен под наклоном. Такое положение объясняет «высыпание» остатков кремации за пределы ящика в сторону наклона. Относительно сторон света, конструкция поставлена по линии Север – Юг с небольшим отклонением в западную сторону. В слое, подстилающем погребение, обнаружена стеклянная двухчастная бусина «лимонка» (рисунок 3, 1).

1–2 – курган № 8 могильник-2 Васьковичи; 3–4 – курган № 20 могильник-2 Васьковичи
Рисунок 3. – Погребальный инвентарь

Погребальный обряд. На выбранной погребальной площадке было разведено ритуальное кострище, после сгорания которого возведена невысокая, до 0,35 м, насыпь. Далее в южной части площадки под наклоном поставили деревянный ящик, в него поместили останки кремации, совершённой на стороне. После этого на площадке было разведено второе кострище, которое в значительной степени повредило ящик. По завершении процесса насыпь окончательно досыпали.

Хронология. Анализ керамического материала свидетельствует о разбитии здесь в ритуальных целях трёх сосудов – одного кругового и двух лепных. Аналогии раннегончарного сосуда хорошо известны в слоях Рюрикова городища. Наиболее ранние экземпляры, согласно М.В. Горюновой, относятся к середине – третьей четверти X в. (рисунок 3, 2) [9, с. 95]. Время бытования двухчастных бус «лимонки» приходится на X – первую четверть XI в. [20, с. 88]. Сочетание обнаруженных артефактов и обряда трупосожжения позволяет определить время возведения кургана № 8 концом X в.

Выводы. Нахождение в насыпи бусины, как элемента женского костюма, может свидетельствовать о захоронении здесь индивида женского пола. Среди кальцинированных останков удалось обнаружить фрагмент челюсти с коренным зубом без корня. Это указывает на стадию формирования зуба и даёт возможность определить возраст умершего в пределах 4 – 8 лет. Таким образом, с определённой долей осторожности, мы можем предположить, что в конце X в. здесь была погребена девочка доподросткового возраста.

Курган № 20 имел полусферическую форму. Повреждён кладоискательской ямой подквадратной формы 0,86 × 1,74 м. Погребение не пострадало.

Стратиграфия. Насыпь состояла из песка светло-жёлтого цвета. На уровне древней дневной поверхности зафиксирован зольно-угольный слой, оставленный ритуальным очищением огнём площадки будущей насыпи. В верхней трети, на южном склоне насыпи зафиксировано локальное зольно-угольное включение, которое при расчистке оказалось, деревянной конструкцией. Отличительной чертой является наличие большого количества камней на всех уровнях насыпи.

Следует отметить нахождение у юго-западной окраины насыпи плоского камня, схожего с камнем кургана № 5. Здесь он также был поставлен на ребро и ориентирован своей лицевой (плоской) стороной по направлению к погребению. Его размеры 0,3 × 0,32 м при толщине 0,14 м.

Погребение. В ходе послейной разработки южного склона насыпи на глубине 0,2 – 0,25 м начали фиксироваться крупные фрагменты угля и остатки кремации. При тщательной расчистке, нами установлено нахождение здесь обугленной деревянной конструкции. Она сложена из досок шириной до 0,16 м. Также удалось зафиксировать две поперечные дощечки шириной 0,06 м. Наибольшая плотность кальцинированных костей отмечена в южной части данного ящика. Здесь же, среди остатков кремации, обнаружена двухчастная бусина «лимонка» и орнаментированное украшение из кости (подвеска/застёжка?) (рисунки 3, 3–4). Указанные предметы не имеют следов воздействия огня. При разборке конструкции установлено, что 0,2 м ниже её находился камень диаметром 0,18 м.

Погребальный обряд. На выбранной для насыпи площадке первоначально было разведено ритуальное кострище, после сгорания которого совершена подсыпка высотой около 0,6 м от нижнего зольного слоя. На этом уровне из камней выложено подобие окружности и поставлен ящик с остатками кремации, совершённой на стороне. Сам ящик установлен в юго-восточной части образовавшейся подсыпки. Он находился под наклоном, его северо-западная сторона располагалась выше юго-восточной, что объясняет высыпание костей за пределы ящика. Относительно сторон света он ориентирован по линии Юго-Восток – Северо-Запад. После размещения ящика с остатками трупосожжения, стеклянной бусиной и костяной фигурной подвеской насыпь была окончательно досыпана.

Хронология. Относительно времени сооружения кургана № 20 мы можем судить по находке бусины. Бытование двухчастных бус «лимонок» ограничивается X – первой четвертью XI в. [20, с. 88]. Аналогии костяной подвески мне не известны. Сочетание бусы «лимонки» и обряда трупосожжения позволяет определить время возведения кургана № 20 концом X в.

Выводы. Нахождение в насыпи бусины, как элемента женского костюма, может свидетельствовать о захоронении женщины по обряду трупосожжения с последующим помещением останков в деревянный ящик.

Полученные мною данные об обряде захоронения органично вписываются в ранее выстроенную схему эволюции погребального обряда трупосожжения, согласно которой наиболее поздним видом является расположение трупосожжений выше уровня горизонта [2, с. 5–6]. Сопровождающий погребения материал позволяет определить достаточно узкие хронологические рамки возведения исследованных насыпей. Языческий, по своей сути, обряд трупосожжения ограничивает верхнюю границу датировки концом 980-х – 990-ми гг. Наличие узкодатируемых по новгородским аналогам керамических форм, сочетание круговой и лепной посуды также указывают на самый рубеж языческой и христианской эпох. Наиболее узкодатируемой является кремация с поясным набором и целым комплексом керамических сосудов кургана № 7. Время его возведения следует очертить в пределах 980-х годов. К этому необходимо добавить находку арабского дирхема 944 г. Как известно, время хождения подобных монет до попадания в культурный слой или погребение составляет несколько десятилетий, что снова указывает на 80-е годы X столетия. Аналогичный погребальный обряд, зафиксированный в соседнем кургане № 5, также позволяет датировать эту насыпь 80-ми годами X в. Эту точку зрения подкрепляет не только идентичный погребальный обряд и близость в расположении двух насыпей, но и наличие предметов материальной культуры, указывающих на дружинное сословие умерших.

Из последнего обстоятельства возникает правомерный вопрос о возможности синхронного погребения этих представителей военизированного сословия вследствие определённого события, что невольно нас возвращает к вопросу о локализации летописной битвы 984 года на р. Пищани, в ходе которой радимичское ополчение было разбито передовым отрядом князя Владимира Святославича во главе с воеводой Волчьим Хвостом.

В настоящее время наиболее обоснованной является позиция О.А. Макушниковой, отстаивающего локализацию летописной битвы в окрестностях Гомеля (Гомия) [15]. Не вдаваясь в детали и аргументы уважаемого коллеги, следует отметить факты в пользу разгрома радимичей в окрестностях Славгорода (Прупоя, Пропошеска). Летописное название реки, на которой состоялась битва, «Пищань». Данный гидроним созвучен с протекающей в 6,5 км юго-западнее от Славгородского городища речушкой Песчанкой. Нынешнее название вполне может являться производным от «Пищани» Нестора. Добавим к этому, что курганы с погребениями воинов-язычников могильника-2 у д. Васьковичи находится на правом берегу современной Песчанки всего в 400-450 м юго-восточнее её русла.

Также следует отметить один интересный топоним. В 3 км северо-западнее исследованного некрополя находится деревня Шеломы. Её название, вероятнее всего, происходит от слова «шелом» – древнерусское именование шлема. Такое название населённый пункт вполне мог получить вследствие летописного сражения. Отдельно отметим, что через отмеченную деревню протекает р. Песчанка, а на местном кладбище сохранились несколько курганных насыпей. Последнее обстоятельство указывает на тысячелетнее существование здесь поселения.

В контекст топонима «Шеломы» логично вписываются открытые мною погребения дружинников-язычников с узкой датировкой 980-х гг. Они также косвенно указывают на событие 984 г., которое могло стать причиной смерти и их последующего захоронения в курганах отмеченного некрополя у д. Васьковичи.

Ещё одним пунктом в пользу славгородской «Пищани» является близкое расположение летописного города «Прупоя», который с высокой долей вероятности мог быть важным племенным центром обороняющихся радимичей. В связи с этим, логичным выглядят находки двух камней с рельефными изображениями княжеских трезубцев у д. Усохи Славгородского р-на [1]. Первый наиболее заметный и этим привлёкший наше внимание петроглиф представляет собой камень высотой чуть более 0,5 м. Его лицевая сторона стёсана до ровной плоскости. На всё поле образовавшейся поверхности нанесён трезубец (рисунок 4, 1). Второй имеет два изображения, расположенные у самого края выровненной стороны (рисунок 4, 2).

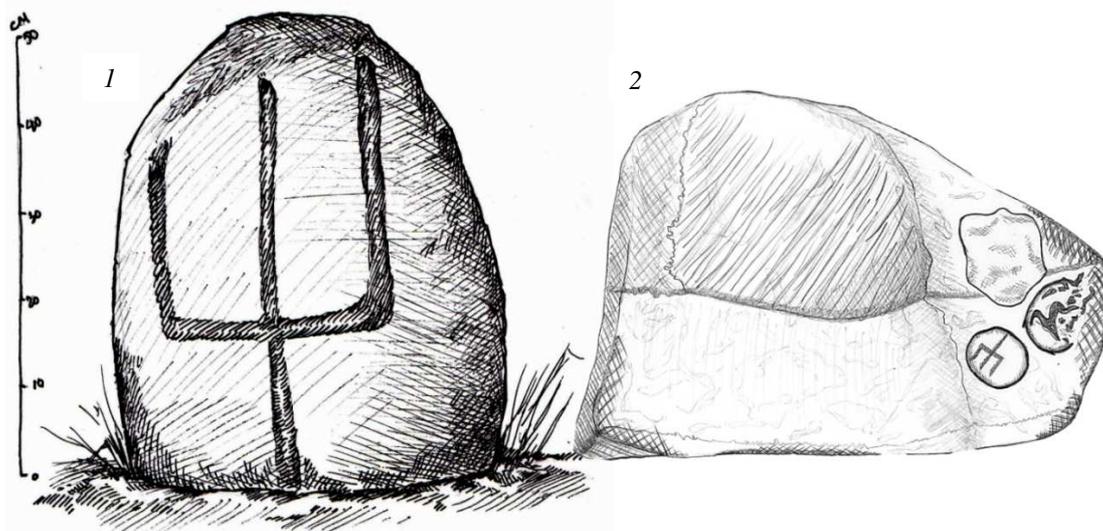
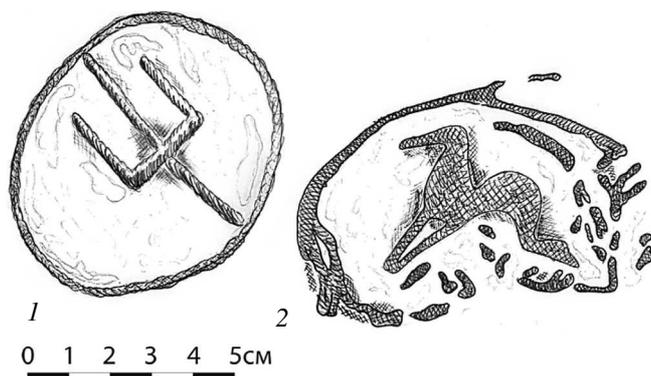

Рисунок 4. – Камни с изображениями княжеских знаков (1, 2), д. Усохи (Славгородский р-н)

Первое изображение – трезубец. По очертаниям он представляет собой уменьшенную копию большого трезубца на первом камне. Примечательным является его исполнение. На поверхности камня изначально сделано округлое углубление, в котором далее был вырезан княжеский знак. Подобное нанесение, в некоторой степени, схоже с оттиском печати (рисунок 5, 1). Соседнее изображение является более схематичным и не поддаётся однозначной интерпретации. По устному замечанию член-кор. НАН Беларуси, д-ра ист. наук, профессора И.А. Марзалюка, оно может иллюстрировать мифического восьминоного коня бога Одина Слейпнира (рисунок 5, 2). Такая трактовка выглядит вполне убедительной с учётом достаточно высокого процента варягов среди дружинников киевского князя.

В целом, описанные трезубцы по своей стилистике сопоставимы с родовым знаком Владимира Святославича. Появление описанных камней может быть связано с включением Посожья в орбиту влияния Киева после разгрома радимичей и маркировать здесь место сбора дани – погост.

Перечисленные факты составляют далеко не полный список доводов, позволяющих положить начало новому витку научной дискуссии о локализации летописной битвы. Однако это тема отдельной публикации ближайшего будущего.

1 – изображение трезубца; 2 – изображение Слейпнира

Рисунок 5. – Петроглифы на втором камне, д. Усохи (Славгородский р-н)

Возвращаясь к могильнику-2 у д. Васьковичи, следует оценить его информативность относительно вопроса этнической или культурной принадлежности оставившего его населения. Ключевым элементом в данном вопросе является место расположения кремаций и использование дополнительных элементов погребальной обрядности. Детальный анализ подкурганых захоронений боршевской культуры VIII–X вв. и кремаций на территории Могилёвского Поднепровья указывает на миграционные процессы донских славян в бассейн Верхнего Поднепровья. Инфильтрация носителей южнославянских археологических культур VIII–X вв. в бассейн верхнего Днепра не вызывает сомнения, в частности у одного из ведущих белорусских специалистов в области курганной погребальной обрядности А.В. Войтеховича [7, с. 30–31, 100].

Отметим те черты, на которых строится наше заключение.

Для эталонных памятников боршевской культуры на р. Воронеж и Верхней Оки использование деревянных камер в курганных насыпях является отличительной чертой [5, с. 88–89, 94, 96; 6, с. 14–15, 17; 16, с. 8–9]. Более упрощённый вариант этой традиции зафиксирован мною в курганах № 8 и № 20 исследуемого некрополя у д. Васьковичи. В данном случае, следует полагать, мы имеем дело с эволюцией обрядности и конкретного элемента, в частности. Эти изменения необходимо оценивать в качестве следствия социальных трансформаций, а именно индивидуализацией и выделением малой семьи. В боршевской культуре погребальная камера служила общей усыпальницей. С распадом большой патриархальной семьи отпадает необходимость в сооружении общей камеры. Они сменяются небольшими деревянными ящиками, которые не единожды зафиксированы в Могилёвском Поднепровье. К этому следует добавить, что часть поздних погребений воронежской группы и часть верхнеокских камер тоже имеют более упрощённую конструкцию: они изготовлены из досок/плах [5, с. 99].

В погребальной традиции донских славян этого времени известна традиция обжигания камер/ящиков. Она наиболее характерна для Воронежской группы некрополей боршевской культуры [5, с. 117], она же известна и в курганах верховья Оки [11, с. 154, 155, 157]. Ряд ящиков с кремациями Могилёвского Поднепровья также имеет следы воздействия огня¹. В частности, конструкция кургана № 8 располагалась непосредственно на зольной прослойке, образовавшейся после проведения тризны.

В Боршевской курганной группе трупосожжения во всех случаях совершены за пределами площадки будущей насыпи [5, с. 94; 6, с. 15]. Кремации могильника-2 Васьковичи также проведены на стороне.

Одним из отличительных признаков трупосожжений донских славян, имеющим сакральный оттенок, является место размещения кальцинированных костей в насыпи. Так, для Боршевского некрополя характерно стабильное расположение деревянных камер в северо-восточной части кургана [5, с. 87, 88; 6, с. 14, 15; 10, с. 80]. В группе воронежской расположение кремаций фиксируется в восточной части погребальной площадки [5, с. 95]. Местоположение камер в курганах боршевской культуры в стороне от центра насыпи объясняется их привязанностью к близлежащей реке. Камеры находились в секторах по направлению либо в сторону нижнего течения (Лысогорский могильник), либо в сторону верхнего течения реки (Боршевский могильник) [5, с. 113, 117]. Анализ расположения кремаций могильника-2 Васьковичи также обнаруживает тяготения расположения кальцинированных костей в ближнем к р. Пещанке поле насыпи, т.е. в сторону нижнего течения.

Наконец, последним элементом является уровень расположения погребений. В основной массе боршевских курганов кремации находятся на уровне горизонта. Однако в поздних захоронениях этой культуры, в частности Лысогорского могильника, известны деревянные ящики, расположенные не на горизонте, а на

¹ По справедливому замечанию Н.А. Плавинского, зачастую обгоревшее дерево можно спутать с деревом, подвергшимся естественному процессу карбонизации. В данном случае следует быть внимательным и обращать внимание на археологический контекст: имеется ли прокаленность песка и наличие пепла.

подсыпке [5, с. 117]. На территории Могилёвского Поднепровья известен лишь один случай кремации в ящике на горизонте и семь насыпей с трупосожжениями в ящиках, расположенных выше уровня горизонта.

Заключение. Инфильтрация донских славян в Могилёвское Поднепровье кажется вполне обоснованной. Отмечу, что данное заключение строится на гораздо большей фактической базе, нежели четыре исследованные насыпи Славгородского района [3, с. 15, 17]. При этом на указанной территории фиксируются элементы материальной культуры и погребальной обрядности как роменской, так и культуры типа Луки-Райковецкой. Заселение обозначенной территории южнославянскими культурами должно быть связано с вынужденной миграцией славян из бассейна Дона из-за печенежской угрозы. Именно в X в. на поселениях боршевской культуры встречаются следы пожаров, а культура как таковая перестаёт существовать. И в этом же столетии на территории Могилёвского Поднепровья начинают фиксироваться подкурганые захоронения со слегка видоизменённым или, точнее, эволюционировавшим погребальным обрядом. Этому способствовало и то, что Могилёвское Поднепровье, судя по всему, в период с VII по X вв. не было заселено. По крайней мере, после исчезновения колочинских поселений здесь не фиксируются какие-либо более поздние материалы додревнерусского периода. В свою очередь, продвижение представителей южнославянских культур далее на север было затруднено заселённостью данной территории кривичским населением, выросшем из культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Однако локальные следы попыток такого проникновения зафиксированы археологически [7, с. 27]. Исходя из приведённых фактов, следует полагать, что этнической подосновой радимичских племён являются южнославянские культуры VIII – X вв., среди которых наиболее отчётливо выделяются боршевские древности. Сбежав от печенежской угрозы и заселив Могилёвское Поднепровье, переселенцы были легко подчинены киевскому князю Владимиру. Для этого хватило всего лишь передового отряда Волчьего Хвоста...

ЛИТЕРАТУРА

1. Авласович, А.М. Знаки Рюриковичей с территории Могилёвского Поднепровья / А.М. Авласович // Копытинские чтения – IV : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 19–20 марта 2020 г. / под общ. ред. А.Г. Агеева, А.В. Колосова, В.В. Табунова. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2020. – С. 14–15.
2. Авласович, А.М. Итоги изучения погребального обряда трупосожжения в Могилёвском Поднепровье и Посожье / А.М. Авласович // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А.А. Кулешова 2016 г. : материалы науч.-метод. конф., Могилев, 25 янв. – 1 февр. 2017 г. / под ред. Е.К. Сычовой. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2017. – С. 5–7.
3. Авласович, А.М. Погребальная обрядность на территории Могилёвского Поднепровья и Посожья в X – XIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / А.М. Авласович ; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2017. – 28 с.
4. Алексеев, Л.В. Раскопки курганов в Восточной Белоруссии / Л.В. Алексеев, З.М. Сергеева // Краткие сообщения ин-та археологии. – 1973. – Вып. 135. – С. 49–55.
5. Винников, А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века) / А.З. Винников. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1995. – 168 с.
6. Винников, А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в эпоху образования древнерусского государства (лесостепное Подонье в VIII – первой половине XI вв.) / А.З. Винников // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. – 2012. – № 2. – С. 14–20.
7. Войтехович, А.В. Погребальный обряд населения Полоцкой земли в X – XII вв. / А.В. Войтехович ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 269 с.
8. Горюнова, В.М. Датирующие возможности раннегончарной керамики X-начала XI в. / В.М. Горюнова // Рос. археология. – 2009. – № 4. – С. 132–139.
9. Горюнова, В.М. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X – начала XI вв. / В.М. Горюнова // Труды ИИМК РАН. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. – Т. XVIII. – С. 82–121.
10. Ефименко, П.П. Курганный могильник у с. Боршева / П.П. Ефименко, П.Н. Третьяков // Материалы и исследования по археологии. – 1948. – № 8. – С. 79–91.
11. Изюмова, С.А. Курганный могильник VIII – X вв. около деревни Западной / С.А. Изюмова // Советская археология. – 1946. – № 2. – С. 151–163.
12. Кенько, П.М. Поясная гарнитура с территории Беларуси (I – XIII вв.). Свод археологических источников / П.М. Кенько. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 172 с.
13. Кирпичников, А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX – XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников / под общ. ред. Б.А. Рыбакова. – Вып. Е1–36. – М. – Л. : Наука, 1966. – 181 с.
14. Копытин, В.Ф. Археологические памятники Славгородского района Могилёвской области / В.Ф. Копытин. – Могилёв : Изд-во МГУ им. А. А. Кулешова, 2001. – 158 с.
15. Макушнікаў, А.А. Бітва 984 г. на рацэ Пяшчане і летапісны шлях «ў радзімічы» / А.А. Макушнікаў // Гістарычна-археалагічны зборнік ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – 1995. – № 6. – С. 202–213.
16. Носов, Е.Н. К вопросу о происхождении домовин в курганах роменско-боршевской культуры / Е.Н. Носов // Краткие сообщения ин-та археологии. – 1974. – Вып. 139. – С. 8–12.

17. Рьер, Я.Г. Сельское общество Могилёвского Поднепровья X – XIII вв. По археологическим данным / Я.Г. Рьер. – Могилев : УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010. – 176 с.
18. Сербаў, І.А. Аб выніках архэалёгічных дасьледваньняў каля Нова-Быхаву і на сярэднім Сожы / І.А. Сербаў // Працы Першага Зьезду Дасьледчыкаў Беларускае Архэалёгіі і Архэаграфіі. – Мінск, 1926. – С. 17–19.
19. Чоловский, С.Ю. Дневник раскопок, проведенных старшим чиновником особых поручений при Могилевском Губернаторе Сем. Юл. Чоловским / С.Ю. Чоловский // Памятная книжка Могилевской губернии на 1893 годъ. – Могилевъ на Днѣпрѣ : Тип. Губ. Правленія, 1893. – С. LIV–LXXXIII.
20. Щапова, Ю.Л. О происхождении некоторых типов древнерусских бус / Ю.Л. Щапова // Советская археология. – 1962. – № 2. – С. 81–96.

Поступила 11.11.2020

**RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL STUDY OF FUNERAL RITES
OF SLAVGOROD DISTRICT OF MOGILEV REGION ACCORDING
TO 2014–2017 EXCAVATIONS**

A. AVLASOVICH

The results of an archaeological study of the burial mounds are a valuable source for the reconstruction of migration processes, ethnocultural transformations, socio-political structure and the evolution of religious beliefs of the population of the 10th - 13th centuries. The designated region in ancient Russian time was inhabited by the Radimichi tribes, which is reflected in the written evidence of the Tale of Bygone Years (the primary chronicle) and excavation materials. However, a number of important questions remain, to which there are currently no definite answers. The question of the genesis of the Radimichi tribes, the time of their settlement in the Belarusian Posozhie, as well as the reconstruction of the processes of nationalization and Christianization of this territory should be considered the most important issue. To answer these questions, a comprehensive analysis of written sources, data from archeology, linguistics, ethnography and the use of natural scientific methods are required. Within the framework of this article, for the first time, the results of recent archaeological excavations are introduced into a wide scientific circulation, and their place in solving the questions posed is indicated.

Keywords: funeral rituals, barrow necropolis, cremation, inhumation, funeral feast, Christianization.